

В.Л. Короленко

**История моего
современника**

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К68

К68 **Короленко В.Г.**
История моего современника: Часть 3 / В.Л. Короленко – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 373 с.

ISBN 978-5-517-99254-3

ISBN 978-5-517-99254-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

наря. Напротивъ меня и рядомъ клевали носомъ четыре жандарма. Я наконецъ сообразилъ свое положеніе, и мысль о матери ясно встала въ умѣ. Все это время я мало думалъ о ней. Она больна и какъ-то она встрѣтитъ извѣстіе о моей ссылкѣ, если оно появится въ газетахъ. Нервная усталость этихъ дней сказалась: я почувствовалъ, что на глаза просятся слезы... Скорѣй на мѣсто, чтобы написать ей что-нибудь опредѣленное... А пока не зачѣмъ поддаваться малодушію: другія мысли смѣнили и вытѣснили тоску. Я не раскаивался. Несмотря на исполнившіеся 22 года, я испытывалъ мальчишеское чувство гордости: въ Басманной части мнѣ объявили формально, что я высылаюсь «по высочайшему повелѣнію» въ Усть-Сысольскъ Вологодской губерніи... Мнѣ вспомнилось первое «тайное собраніе» въ Измайловскомъ полку. Тогда были мобилизованы полицейскія силы юдной полицейской части. Теперь противъ меня приведенъ въ движеніе аппаратъ самой верховной власти...

Не помню точно, гдѣ мы разстались съ Бочкаревымъ. На прощаніе мы горячо обнялись, точно члены братскаго ордена, объединенные общимъ преслѣдованіемъ. Меня жандармы привезли съ вокзала въ ярославское полицейское управленіе, окна котораго выходили на Волгу. По рѣкѣ медленно двигались широкія льдины начавшагося ледохода. Все населеніе полицейскаго управленія собралось у оконъ: слѣдили за тѣмъ, какъ бравый прокуроръ, председатель общества спасанія на водахъ, переправляетъ почту изъ Вологды на спасательной лодкѣ.

Когда переправа благополучно закончилась, помощникъ полицеймейстера, старикъ добродушнаго вида, принялъ меня отъ жандармовъ, и отъ него я впервые узналъ, что я «государственный преступникъ».

— Вы ошибаетесь, — сказалъ я. — Я только студентъ и высылаюсь за коллективное завленіе своему начальству.

— Ну, ну, — отвѣтилъ онъ съ положительной увѣренностью. — Это самое и есть... «По высочайшему повелѣнію», батюшка... Какъ же не государственный преступникъ?..

И опять долженъ признаться: что-то при этомъ слегка пощекотало мое самолюбіе.

Вскорѣ пришелъ полицеймейстеръ, человекъ черноволосый, военнаго вида съ повелительными манерами. Онъ успѣлъ сходить къ губернатору и принесть распоряженіе его превосходительства: отправить меня въ тюрьму. Я предъявилъ убѣдительнѣйшую просьбу не задерживать меня въ пути и послать по возможности сегодня же дальше. Мысль о матери опять захватила меня, и опять при этомъ глаза что-то щекотало. «Государственный преступникъ», вѣроятно, имѣлъ довольно жалостный видъ, и полицеймейстеръ отнесся къ моей просьбѣ съ видимымъ участіемъ. Онъ осмотрѣлъ мой парадный костюмъ, замѣтилъ полное отсутствіе какого бы то ни было багажа и понялъ, что задерживать меня дѣйствительно не слѣдуетъ.

— Если вы не побоитесь ледохода, — сказалъ онъ, — то я похлопочу у прокурора, чтобы васъ

переправили завтра съ почтой. А пока что дѣлать? Придется переночевать въ тюрьмѣ... Дайте провожатаго поприличнѣй, — обратился онъ къ одному изъ подчиненныхъ.

Явился провожатый городской, но онъ оказался какъ разъ совершенно «неприличнымъ». Тогда въ губернскихъ городахъ полицейскіе еще не успѣли принять щеголеватаго вида, и явившійся городской напоминалъ одного изъ подчиненныхъ гоголевскаго Держиморды: его шинель была вся въ отрепьяхъ съ разноцвѣтными заплатами, а сабля висѣла просто на старой веревкѣ.

— Уберите его. Прислать другого, поприличнѣй, — сказалъ брезгливо полицеймейстеръ.

Пришелъ другой. У этого заплаты были того же цвѣта, что и шинель, а сабля висѣла частью на ремнѣ, и только частью на веревкѣ. Полицеймейстеръ посмотрѣлъ и махнулъ рукой.

— Ну, не взъщите... Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Что дѣлать.

Я поблагодарилъ его за добрыя намѣренія и пѣшкомъ черезъ весь городъ отправился въ тюрьму. Насъ было четверо: забракованный городской провожалъ какого-то злополучнаго субъекта, въ короткой арестантской курткѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ. Дорогой я услыхалъ, что этотъ субъектъ о чемъ-то препирается со своимъ провожатымъ и оглянувшись, увидѣлъ, что городской схватилъ его за широкую мотню арестантскихъ шароваръ — старается осадить назадъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я.

— Извѣстно, невѣжество... пояснилъ мой

городовой. — Видите, онъ хочетъ идти рядомъ съ вами. Говоритъ: мы товарищи.

Воспользовавшись остановкой, субъектъ вскочилъ впередъ и бойко спросилъ у меня:

— Вы высылаются?

— Высылаюсь.

— На подзоръ полиціи?

— Вѣроятно.

Онъ съ торжествующимъ видомъ повернулся къ своему провожатому и сказалъ:

— Ну, и я тоже на подзоръ полиціи. Какъ же не товарищи.

Дальше мы уже шли рядомъ, — я въ легкомъ чужомъ, но все-таки парадномъ, костюмѣ со стоячимъ крахмальнымъ воротничкомъ и въ круглой шляпѣ, а онъ въ арестантскомъ бушлатѣ съ ироническимъ любопытствомъ.

Ярославская тюрьма была первая, съ которой мнѣ пришлось познакомиться. Меня ввели въ камеру и оставили ее незапертой. Вскорѣ ко мнѣ вошелъ арестантъ невысокаго роста, въ очкахъ и съ эспаньолкой. Это былъ мой сосѣдъ изъ «привилегированныхъ». Оказалось, что меня посадили въ дворянскій коридоръ. Отрекомендовавшись, онъ спросилъ:

— Вы, вѣроятно, тоже по дѣлу Иванчинъ-Писарева и графини Потоцкой?

Фамилію Иванчинъ-Писарева я тогда слышалъ въ первый разъ. Новый знакомый рассказалъ мнѣ, что въ Ярославской губерніи раскрытъ кружокъ революціонеровъ, въ центрѣ котораго стоялъ Иванчинъ-Писаревъ. Многіе арестованы, нѣкоторые сидятъ теперь въ

этой же тюрьмѣ. Иванчинъ скрылся. Арестантъ часто упоминалъ фамилію графини Потоцкой, намекая на свое знакомство съ нею, и предлагая, если мнѣ угодно, передать ей записку. Мнѣ нечего было писать графинѣ Потоцкой и я отказался къ явному разочарованію любезнаго сосѣда.

Быль, помнится, какой-то праздникъ, и послѣ арестантскаго обѣда староста, благообразный, не старый арестантъ, принесъ мнѣ въ камеру кружку чаю и цѣлую груду калачей и булокъ. Меня поразилъ ихъ видъ: тутъ были куски французской булки, куски ситнаго хлѣба, маленькій ломтикъ пирога и полъ бублика, воткнутого въ ситный.

— Нынче было подаваніе, — пояснилъ староста, — кушайте на здоровье.

Дворянскій коридоръ былъ почти пустъ. Я рано ушелъ въ свою камеру и проспалъ почти весь день и ночь. Утромъ въ шесть часовъ меня разбудили. Полицеймейстеръ исполнилъ обѣщаніе: на берегу Волги меня ждала уже спасательная лодка, переправлявшая почту на Вологду. Вмѣстѣ съ провожатымъ полицейскимъ и почтальонами мы усѣлись въ лодку на полозьяхъ, стоящую на берегу. Подвижки льда прекратились, и только на срединѣ тихо плыли, сталкиваясь и шурша, то мелкія льдины, то широкія ледяныя поля. По льду лодку тащили на полозьяхъ, потомъ, раскатившись, она погружалась въ воду и плыла среди ледяного «сала», пока разогнавшись на веслахъ, не вкатывалась на большую льдину. Эта переправа

не была лишена довольно сильныхъ ощущеній. Затѣмъ мы тихо покатались по узкоколейной вологодской дорогѣ.

LXIII

ВЪ ВОЛОГДѢ — ЧЕРТЫ ТОГДАШНЕЙ ССЫЛКИ

Въ Вологдѣ губернаторомъ въ то время былъ старикъ полякъ Хоминскій, человѣкъ довольно либеральный и очень добродушный. Поэтому вѣроятно меня помѣстили не въ тюрьмѣ, а въ дежурной комнатѣ при полицейскомъ управленіи. Дѣло было на страстной недѣлѣ, и на мою просьбу отправить меня немедленно далѣе — полицеймейстеръ отвѣтилъ, что меня отправятъ на третій или четвертый день праздника.

Полицеймейстеръ оказался человѣкомъ тоже благодушнымъ; онъ предложилъ мнѣ расположиться въ дежурной комнатѣ, «какъ у себя дома», и спросилъ, не желаю ли я отправиться въ баню. Я отказался: у меня не было чистаго бѣлья. Къ вечеру онъ прислалъ мнѣ смѣну бѣлья, предложивъ отдать мое для стирки. Его обращеніе произвело на меня впечатлѣніе самое благопріятное. Но увы, я долженъ сказать, что въ своей ссыльной карьерѣ я ближе встрѣчался такимъ образомъ съ тремя очень радушными полицеймейстерами, и всѣ они, по странной случайности, попадали подъ судъ.

Въ первый день Пасхи меня неожиданно посѣтилъ губернаторъ Хоминскій. Оказалось, что

его сыновья, студенты института путей сообщенія въ Петербургѣ, получивъ свѣдѣнія отъ товарищей петровцевъ, успѣли телеграфировать отцу, и добродушный старикъ пришелъ, чтобы ободрить меня и спросить, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь. Вскорѣ послѣ него пришелъ также дѣлопроизводитель его канцеляріи, молодой еще человѣкъ огромнаго роста. Онъ сидѣлъ у меня около часу и рассказывалъ о громкой исторіи расхищенія сѣверныхъ лѣсовъ. Объ ней тогда много писали въ газетахъ. Молодой чиновникъ возмущался стачкой чиновниковъ лѣсного вѣдомства съ какой-то иностранной компаніей. Работаетъ экстренная слѣдственная комиссія, но едва ли ей удастся раскрыть все: замѣшаны очень сильныя лица и огромные иностранные капиталы.

Посѣщеніе губернатора и его чиновника, очевидно, произвело сильное впечатлѣніе на личный штатъ полицейскаго управленія, начиная съ николаевского кавалера сторожа и дежурныхъ чиновниковъ и кончая самимъ полицеймейстеромъ. Придя ко мнѣ и похристосовавшись въ первый день праздника, онъ предложилъ мнѣ прогуляться по городу.

— Вѣроятно съ провожатыми? — спросилъ я.

— Со мной, если ничего не имѣете противъ. Я ничего не имѣлъ противъ, и мы пошли.

— Не хотите ли посмотреть нашъ арестный домъ? — сказалъ онъ, и, не дожидаясь отвѣта, поднялся по лѣстницѣ въ зданіе подъ каланчей. Меня нѣсколько удивило то обстоятельство, что здѣсь уже какъ будто ждали. Коридоры были чисто выметены и воздухъ про-

вѣтренъ. Пройдя со мной по коридору и предложивъ взглянуть въ камеры черезъ глазокъ, онъ неожиданно сказалъ ключнику:

— Есть свободная камера?

— Такъ точно: номеръ девятый.

— Отопри... Не уютно ли вамъ взглянуть внутри? — И онъ сдѣлалъ жестъ любезнаго хозяина, пропускающаго впередъ гостя.

Мнѣ вспомнилась сцена между городничимъ и Хлестаковымъ, и я, какъ Иванъ Александровичъ, непрочъ былъ отказаться отъ любезнаго приглашенія. Но, скрѣпя сердце, переступилъ черезъ порогъ и спустя нѣкоторое время благополучно вышелъ изъ камеры. Очевидно, полицеймейстеръ имѣлъ въ виду только похвастать чистотой помѣщенія.

Удивленіе мое еще усилилось, когда, выйдя на крыльцо, я увидѣлъ во дворѣ выстроившуюся въ рядкѣ пожарную команду.

— Гдѣ-нибудь пожаръ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, это я нарочно: можетъ быть, вамъ интересно взглянуть на наши новыя машины?

Онъ сдѣлалъ знакъ и команда тронулась со двора. Сытыя лошади рвались впередъ, звенѣли колокольчики, развѣвался пожарный флагъ, сверкали новенькіе насосы, окрашенные яркимъ сурикомъ, блестѣли мѣдныя каски пожарныхъ, я съ полицеймейстеромъ стоялъ на крыльцѣ, краснѣя и чувствуя себя дѣйствительно въ положеніи Хлестакова: для меня столько людей и лошадей потревожили въ такой большой праздникъ.

Да, это былъ странный періодъ російской ссылки, вскорѣ прекратившійся. Въ ссылкахъ

захолустьяхъ жили еще, очевидно, смутныя воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда люди попадали въ ссылку, чтобы потомъ, при перемѣнѣ обстоятельствъ, сугубо возвыситься. Телеграмма губернаторскихъ сыновей, посѣщеніе самого губернатора вызвали, очевидно, въ головѣ благодушнаго полицеймейстера ту же идею, и на всякій случай онъ нашелъ нелишнимъ показать свое хозяйство въ образцовомъ порядкѣ.

Когда мы возвращались съ прогулки вдоль лицевого фасада полицейскаго управленія, случилась маленькая неожиданность: одна изъ дверей внезапно пріоткрылась, и изъ нея показалась небольшая фигура мѣщанскаго вида. Чья-то рука крѣпко держала ее за шиворотъ и затѣмъ сильнымъ толчкомъ кинула внизъ съ невысокой лѣстницы. Неизвѣстному грозило довольно неприятное паденіе, если бы, размахивая руками и шатаясь изъ стороны въ сторону, онъ не ударился головой въ животъ полицеймейстера. Послѣдній схватилъ его сверху за шиворотъ, сердито встряхнулъ раза два и, установивъ прочно на ногахъ, спросилъ довольно грозно: «Это что такое? Ты пьянъ?»

Мѣщанинъ дѣйствительно былъ пьянъ, но все-таки пытался оправдать себя: онъ пришелъ въ полицейское управленіе за справкой, а они вотъ какую справку выдали: по шеѣ да съ лѣстницы...

И внезапно вдохновившись, онъ воскликнулъ съ настоящимъ паѳосомъ:

— Ваше высокоблагородіе... Что жъ это у насъ за порядки? Республика что ли?..

— Ну, ну, ступай. За справкой придешь въ будни и трезвый. — И улыбнувшись съ грустной снисходительностью, онъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ не угодно ли, — какое понятіе о республикѣ...

Можно было догадаться, что собственныя его понятія о республикѣ — другія. Въ общемъ, повторяю, у меня осталось пріятное воспоминаніе о добродушии этого человѣка и мнѣ хотѣлось бы думать, что служебныя непріятности, его постигшія черезъ нѣкоторое время, не имѣли особенно предосудительнаго характера.

LXIV

МОЙ ПРОВОЖАТЫЙ — ОСТАНОВКА ВЪ ТОТЬМѢ — ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ВСТРѢЧА

Вскорѣ мнѣ пришлось тронуться въ дальнѣйшій путь. Весна быстро подвигалась съ юга. Въ Ярославлѣ Волга уже трогалась, но Сѣверная Двина лежала еще подо льдомъ. Снѣга были глубоки, но дни стояли теплые и всюду подъ снѣгомъ журчали весенніе ручьи. Ъхали мы быстро, но все же подъѣхали къ Тотмѣ по совершенно рыхлой дорогѣ, а мѣстами прямо и по грязи.

Судьба послала мнѣ въ провожатые человѣка очень оригинальнаго. Это былъ городской, по фамилии, кажется, Федоровъ (точно не помню), очень малаго роста, плотный, съ шарообразной